

Ирион Зет

Желанная для четверых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-993
ББК 84-4
3-58

Зет И.
3-58 Желанная для четверых / Ирион Зет – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2026. – 96 с.

ISBN 978-5-524-00171-9

Я думала, что моя жизнь кончилась в сыром подвале, где нашла древний ларец. Я ошиблась. Он забрал меня из моего мира, дал новое тело, молодость — и четверых мужчин, которые называют меня своей истинной. Я должна снять их проклятия за месяц. Успею — останусь здесь, в их объятиях. Не успею — вернусь старой или исчезну. Но есть проблема: у меня всего три желания на четверых. А еще кое-что пострашнее: если я ошибусь и потрачу магию не на того, один из них навсегда останется проклятым. И я понятия не имею, какую цену на самом деле придется заплатить.

ISBN 978-5-524-00171-9

© Lennex Corp, 2026
© И. Зет, 2026

Ирион Зет

Желанная для четверых

УДК 82-993
ББК 84-4
3-58

Зет И.

3-58 Желанная для четверых / Ирион Зет. – М.: Литнет, 2026. – 96 с.

ISBN 978-5-524-00171-9

Я думала, что моя жизнь кончилась в сыром подвале, где нашла древний ларец. Я ошиблась. Он забрал меня из моего мира, дал новое тело, молодость – и четверых мужчин, которые называют меня своей истинной. Я должна снять их проклятия за месяц. Успею – останусь здесь, в их объятиях. Не успею – вернусь старой или исчезну. Но есть проблема: у меня всего три желания на четверых. А еще кое-что пострашнее: если я ошибусь и потрачу магию не на того, один из них навсегда останется проклятым. И я понятия не имею, какую цену на самом деле придется заплатить.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00171-9

© Литнет, 2026
© Зет И., 2026

Пролог

За двадцать три года работы в уголовном розыске я выучила одну простую истину: если труп нашли в подвале, значит убийца либо очень спешил, либо очень хотел, чтобы тело нашли. А третий вариант, самый мерзкий – он просто играл со следователями, оставляя им послания в самых грязных и темных углах города, куда обычный человек не сунется без крепких нервов.

Этот подвал находился в заброшенном здании бывшего хлебозавода на окраине, куда я приехала в два часа ночи по вызову дежурного. Уже на лестнице, спускаясь по скользким бетонным ступеням, покрытым какой-то маслянистой жижей, я поняла, что сегодняшняя ночь будет долгой. Что кофе в термокружке, который я схватила на выходе, давно остыл и превратился в горькую холодную бурду, не способную ни согреть, ни взбодрить. Напарник Денис шел впереди, подсвечивая фонариком провалы между ступенями.

Внизу горела одна тусклая лампа без плафона, прикрученная проводом к ржавой трубе. Этого жалкого света хватало ровно на то, чтобы разглядеть грязные стены в потеках, битое стекло на полу и тело мужчины. Оно лежало на спине с руками, скрещенными на груди, словно покойника укладывал не убийца, а терпеливый санитар, привыкший к мертвецам. Я подошла ближе и сразу заметила главную странность: над грудью мужчины, в каких-то пяти сантиметрах над скрещенными руками, парил небольшой ларец, медленно вращаясь вокруг своей оси.

– Ты это видишь? – спросил Денис шепотом.

Я кивнула, слова застряли в горле. Реальность вдруг перестала подчиняться законам физики.

Ларец был сделан из черного дерева, покрытого тончайшей резьбой, и инкрустирован костью какого-то животного. Три печати из темного серебра скрепляли крышку, и каждая светилась изнутри

тусклым багровым светом. Денис протянул руку, чтобы потрогать ларец, но я перехватила его запястье.

– Может не надо, – остановила я его. – Дождемся экспертов.

– Эксперты приедут через час, – ответил он, не отводя взгляда от мерцающего дерева. – А он что, так и будет висеть?

Я сама не знала почему, но через секунду моя собственная рука потянулась к ларцу, из простого женского любопытства. Мои пальцы коснулись печати, и в тот же миг мир исчез. Из ларца вырвались три черные жемчужины и впились в мою правую руку, вросли под кожу, и это было похоже на укус тысячи муравьев. Я погрузилась в черную патоку, которая затекала в уши, в нос, в рот, лишая возможности дышать и думать.

Глава 1

Когда я открыла глаза, надо мной висело небо с двумя солнцами. Тело мое изменилось, я поняла это когда увидела свои пальцы. Они стали длиннее и тоньше, ногти приобрели миндалевидную форму и бледно-розовый цвет.

Мои настоящие ногти всегда были ломкими и квадратными. Я опустила взгляд ниже и обнаружила, что одета в тонкую льняную рубашку, распахнутую на груди, и длинную юбку из мягкой шерсти. Сквозь разрез виднелась моя грудь, которая в сорок три года уже потеряла упругость, а теперь выглядела так, словно мне снова восемнадцать – высокая, полная, с сосками цвета спелой вишни, затвердевшими от прохлады. Волосы упали на лицо тяжелой волной, и я провела по ним рукой от корней до самых кончиков – они доходили почти до пояса и были не моими обычными пепельно-русыми с проседью, а золотистыми, почти белыми, как лен, вымоченный на солнце.

– Ты первая, кто смог выжить, – раздался голос откуда-то слева, и я резко повернула голову.

Из леса, который начинался в нескольких шагах от меня, вышел мужчина. Он был высоким, под два метра ростом, и стройным. Его волосы, черные как вороново крыло, падали на плечи тяжелыми прядями, а глаза отливали расплавленным серебром. Я заметила, что в глубине этих глаз мерцали вертикальные зрачки, как у кошки или у хищной птицы.

– Кто ты? – спросила я.

– Тенеслав, – ответил мужчина, и его губы, тонкие и бледные, растянулись в подобии улыбки. – А ты – та, кого выбрал Ларец. Я чувствую жемчужины в твоей руке.

– Я не знаю, что это за Ларец и почему он выбрал меня, – сказала я, поднимаясь на ноги. Я с радостью ощутила новое тело, сильное

и здоровое, без боли в пояснице и тяжести, которые мучили меня последние годы. – Мне нужно вернуться. У меня там труп, напарник, эксперты.

– Там, откуда ты пришла, уже нет ни трупа, ни напарника, ни тебя, – спокойно ответил Тенеслав, и его серебряные глаза впервые моргнули, как у рептилии. – Ты исчезла в своем мире, когда коснулась ларца. Теперь ты здесь, и обратной дороги нет, пока не исполнятся три желания. Одно желание уже использовано, – сказал Тенеслав, указав на одну потухшую жемчужину. – Ты произвольно пожелала выжить, когда падала между мирами. Осталось два желания на четверых.

– На четверых? – переспросила я.

– Нас, твоих истинных, четверо, – пояснил оборотень. – Каждый из нас проклят. Ты должна снять это. Успеешь за месяц – останешься в Тенесвейне, получишь магию и молодость навсегда. Не успеешь – вернешься в свой мир старой, какой была. Есть еще третий вариант – умрешь, не пройдя весь путь.

Я стояла на поляне под двумя солнцами, рядом со странным красавцем, оказавшимся моим истинным. Я совершенно не хотела умирать, да и возвращаться в свое старое тело тоже.

– Показывай дорогу, – сказала я, и Тенеслав кивнул.

Он развернулся и пошел в лес, не оглядываясь, словно был уверен, что я пойду за ним. И я пошла, потому что выбора у меня действительно не было. Мы шли по лесу около часа, и за это время Тенеслав не проронил ни слова. Иногда он останавливался, поворачивал голову ко мне, и в такие моменты становился пугающе похож на птицу – та же резкая, отрывистая подвижность, тот же немигающий взгляд.

Лес в Тенесвейне оказался не похожим на земные леса – деревья здесь росли не только вверх, но и в стороны. Ветви переплетались в плотные узлы так, что сквозь кроны почти не пробивался свет. От этого внизу царил вечный сумрак, в котором я различали странные силуэты. Грибы светились зеленым фосфоресцирующим светом, разбросанные по мшистым кочкам, и от этого лес казался усыпанным изумрудными звездами, упавшими с неба прямо в траву.

– Мы пришли, – сказал Тенеслав, останавливаясь перед огромным дубом, в стволе которого была вырезана дверь.

Он толкнул ее, и она открылась внутрь, пропуская нас в просторную комнату, освещенную десятками свечей, плавающих в хрустальных шарах, подвешенных к потолку. В комнате находились трое мужчин. Первый сидел в глубоком кресле у камина. Этот мужчина был похож на ожившую статую – его кожа отливала перламутром, волосы были цвета спелой пшеницы и падали на плечи мягкими волнами, а глаза сияли яркой фиолетовой синевой. Уши у него были заостренными, как лепестки ириса, и на каждом висело по три серебряных кольца с крошечными изумрудами. Он был прекрасен. Настоящий эльф из книг.

Второй мужчина стоял у противоположной стены, прислонившись спиной к каменной кладке. Он был полной противоположностью первому – с огненными волосами, собранными в низкий хвост на затылке, и кожей цвета золота, покрытой тончайшей сетью золотистых чешуек, которые поблескивали при каждом его движении, как драгоценная броня. Он сжимал в руке кусок черного металла и, когда я вошла, резко разжал пальцы. Металл упал на каменный пол с глухим стуком, и на том месте, где его касались пальцы, остались обугленные, дымящиеся следы.

Третий лежал на широком кожаном диване. Он поднял голову, и я увидела, что это взрослый мужчина с лицом, выточенным ветрами, с темно-синими, почти черными волосами и глазами цвета океана в шторм. Он был одет в тонкую рубашку из серебристой ткани, растянутую до пояса, и на его торсе перекачивались кубики пресса.

– Вот и наша спасительница, – произнес рыжеволосый мужчина с чешуей, и его голос оказался низким, с металлическим оттенком. – А я уж думал, Тенеслав сожрет тебя по дороге.

– Я не питаюсь сырым мясом, Пламеней, – холодно ответил мой провожатый, и я заметила, что он не снял руки с моего локтя, удерживая меня возле себя. – В отличие от некоторых, я умею контролировать свои инстинкты.

– Твои инстинкты, Тенеслав, – вмешался эльф, не поднимаясь с кресла, – заставляют тебя превратиться в ворона и ночами кружить над домами. Это не контроль, это одержимость.

Тенеслав ничего не ответил, но его пальцы сильнее сжали мой локоть.

Мужчина на диване медленно сел, свесив ноги на пол, и поднял на меня глаза. Его взгляд был тяжелым и печальным, как у человека, который давно смирился с неизлечимой болезнью и больше не ждет чуда. От этого мне стало не по себе – я привыкла к циничным убийцам и расчетливым преступникам, но никогда не встречала такого бесконечного, всепоглощающего отчаяния в глазах.

Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но из горла вырвался только сиплый, свистящий выдох, похожий на скрип старой двери. Я поняла, что этот мужчина не может говорить – не потому, что у него повреждены связки или язык, а потому, что сама природа лишила его голоса, оставив одну лишь безмолвную тоску, которую невозможно выразить.

– Его зовут Волнар, – пояснил эльф, увидев мой интерес. – Он из глубоководного народа. Его проклятие – потерянный голос. Когда-то его песни заставляли плакать камни и останавливать реки, а теперь он не может даже позвать на помощь.

– А ты? – спросила я, обращаясь к эльфу. – Какое твое проклятие?

– Меня зовут Вельзлат, – ответил он, и в его голосе была вежливость, за которой не чувствовалось никаких эмоций. – И мое проклятие в том, что у меня нет чувств. Моя бабка, великая колдунья, заколдовала меня за мое нежелание послушаться ее. С тех пор мое сердце не бьется, и я не чувствую ничего – ни любви, ни ненависти, ни страха, ни боли.

– А я Пламеней, – рыжеволосый мужчина шагнул ко мне, и я почувствовала жар, исходящий от его тела, как от только что затупленной печи. – Мое проклятие в том, что все, к чему я прикасаюсь, сгорает. Металл превращается в труху, дерево в пепел, кожа покрывается волдырями. Я не могу обнять женщину, не могу взять

за руку ребенка, не могу даже погладить собаку, потому что любое мое прикосновение – это боль и смерть.

Я перевела взгляд на Тенеслава.

– Мое проклятие ты уже поняла, – сказал он, и в его серебряных глазах заплясали злые искры. – По ночам я превращаюсь в ворона и теряю человеческую память, становясь обычной птицей, которая боится кошек и охотится на червей. Днем я возвращаю себе разум, но каждую ночь я умираю как личность и рождаюсь заново на расвете. Так продолжается уже триста лет.

– Триста лет, – повторила я вслух, и эта цифра ударила по сознанию.

– Нам нужно решить, с кого начнем, – сказал Вельзлат. – У нас месяц, и мы не можем тратить время на пустые споры. Тенеслав, ты нашел и привел ее, думаю, с тебя и начинать.

Мужчина кивнул, и я почувствовала, как его пальцы на моем локте слегка расслабились, но руку он так и не убрал.

– Ко мне ехать через Молчащие Болота, – произнес он. – К бывшей невесте Ветре. Это она прокляла меня, и только она сможет снять проклятие. Если она снова не согласится, то ты используешь одно из желаний, – ответил Тенеслав, и в его голосе прозвучала горечь, которую он, старательно прятал за маской равнодушия. – Или я останусь вороном навсегда.

Пламеней хмыкнул и отошел к окну. Волнарь опустил голову и закрыл глаза, и в его позе было столько безнадежного смирения, что мне захотелось подойти и пожалеть его.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал Вельзлат, поднимаясь с кресла. – Тенеслав, ты отвечаешь за нее сегодня до ночи. После кто-то из нас тебя сменит.

Ведь ты снова превратишься в ворона.

Оборотень ничего не ответил, только кивнул, и я поняла, что какое-то время мне предстоит провести в компании этого молчаливого, хищного мужчины с птичьими повадками.

Глава 2

Комната находилась в конце коридора, вырубленного прямо в стволе огромного дерева. Ее стены были живыми – кора мерцала зеленоватым светом, а с потолка свисали гроздья светящихся грибов, заменявших светильники. Посередине стояла кровать, такая огромная, что на ней могли бы уместиться пятеро. Тенеслав вошел следом за мной и закрыл дверь, и я услышала, как щелкнул массивный деревянный засов, отрезая нас от остального мира.

– Раздевайся, – сказал он без предисловий, в его серебряных глазах уже разгорался огонь.

– Зачем? – спросила я, хотя сердце забилося быстрее, разгоняя горячую кровь по молодым венам.

– Я должен проверить, не наложил ли кто-то на тебя порчу во время перехода между мирами, – ответил оборотень, делая шаг ко мне. – Чужая магия может убить тебя во сне. Я не хочу потерять свой единственный шанс на исцеление из-за того, что постеснялся раздеть женщину.

Это была ложь, и мы оба это знали, но я не стала спорить, потому что внутри меня уже просыпалось чувство, которое я так долго подавляла в своей прошлой жизни. Я медленно сняла юбку, расстегнула пуговицы на рубашке, и ткань скользнула с плеч, упав к ногам легким облаком. Под рубашкой не было ничего, и моя новая грудь, высокая и полная, с стоячими сосками, предстала перед серебряными глазами Тенеслава во всей красоте. Тенеслав замер, разглядывая меня с такой пристальной внимательностью, что мне стало жарко.

Он взял меня за плечи и развернул спиной к себе, провел пальцами от лопаток до поясницы, и я вздрогнула от этого прикосновения. Его пальцы скользнули ниже, к ягодицам, сжали упругую плоть, и я невольно прогнулась в пояснице, подставляясь под эти ласки, хотя в голове еще теплилась мысль, что это неправильно, что он мне чужой.